

Компанией на охоту

(К сожалению, истинное происшествие)

ОБ ЭТОЙ ОХОТЕ НА МЕДВЕДЯ я, кажется, никогда и никому не хвастался. Если правду рассказать, то хвастовства и не получится.

Медведь забрался с первых заморозков в берлогу и дремал, посаывая лапу. Глупый, доверчивый, он не заметил того, как его поселение выследил Иван Ухов, ловкий мужичок из колхоза «Красное пламя».

Ухов продал берлогу с медведем за полста рублей начальнику краевого управления Мятлину Борису Ивановичу. Тот приезжал в командировку в колхоз. Слово за слово — и отхватил такую покупку заочно, не глядя, словно kota в мешке.

Вручив половину денег в задаток, Мятлин условился, что остаток отдаст сразу, как только с медведя будет снята шкура. Договорились и о том, что, когда навалится глубокий снег, Ухов не только покажет берлогу, но будет свидетелем и участником охоты.

Не такой человек Мятлин, чтобы держать в тайне свое намерение — убить медведя. На старой карте Архангельской губернии, около станции Няндомы, в направлении к древнему Каргополю, он обвел кружочком то место, где предположительно находилась медвежья берлога. Тщательно разработав план охотничьей операции, Борис Иванович стал обдумывать, из кого ему составить надежную и веселую компанию, дабы такое событие навек запомнилось.

В первую очередь он написал в Москву своему знакомому, известному писателю, письмо с приложением карты и приглашением принять участие в медвежьей охоте. Но писатель был слишком знаменит, посмеялся над письмом и даже ответом не удостоил Мятлина. На мое счастье, оказалось, что запасной фигурой — на случай, если писатель сдрейфит, — назначен я. Конечно, я не ахти как обрадован был предложением Бориса Ивановича и, прежде чем согласиться, спросил:

— А кто еще с нами?

— Надежная публика, — весело ответил Мятлин, — колхозник Ухов — продавец берлоги, я во главе, затем мой шурин из милиции, с карабином, Димка-фотограф, и ты — с наганом. Димка запечатлеет факт, а ты опишешь все это и двинешь в «Правду Севера», пусть знают!..

— Пять человек на одного медведя, это, пожалуй, не страшно.

— Абсолютно надежно! — сказал Мятлин и добавил героически: — С моим ружьем один на один можно смело на Тигра Львовича идти. Зауэр три кольца, не ружье, а мечта...

От жены я не скрыл цель поездки. Она не совсем ласково сказала:

— Ну и дурак! Чего тебе плохого сделал медведь? Корову задавил, или на ухо тебе наступил? Поезжай, черт с тобой, только напиши завещание...

— Завещать,— говорю,— мне нечего, а отказываться неудобно. Согласие дано...

Буханку хлеба в рюкзак, туда же кило соленой трески, поллитра горькой для храбрости, «наган» сбоку (мне в ту пору по должности револьвер полагался) — и к отходу поезда на вокзал.

Ехать до Няндомы,— не знаю, сколь быстро ныне ходят поезда,— а тогда уходило девять часов из минуты в минуту. Мятлин по воинскому литеру бесплатно отхватил купе в мягком вагоне, там и собрались все четверо вместе.

Тронулись. Сначала веселые разговорчики, потом анекдоты. А еще потом — Мятлин достает из чемодана флягу настоящего спирта, не разведенного водой, наливает всем по стакану, а на закуску, что ни есть лучшая жирная семга, которая во рту тает, и говорит:

— При такой закуске не полагается спирт разводить. Давайте трахнем за наш успех, а он будет...

Подняли стаканы, чокнулись, закусочку приготовили. Все же Мятлин догадался предупредить:

— Спирт есть спирт. Рекомендую не залпом, а за два-три приема. Девяносто градусов. А едем-то не барана колоть. Шуточки маленькие...

Ополовинили стаканы, семгой свежеспосоленной рты запыжили, прожевали, покрякали, повздыхали и все четверо по достоинству оценили:

— Спирт всем напиткам — голова!..

Сделали передышку. Мятлин из футляра ружье вынул, сложил, показал против лампочки, каков блеск в стволах. Шурина пощелкал затвором карабина — все в порядке. Мой наган не нуждался в проверке. У Димы, кроме громоздкого фотоаппарата, треноги и сумки с негативами, ничего не было.

— Вот тебе, Дима, на всякий случай кинжал, повесь его себе на ремень, а вдруг да пригодится.— Мятлин достал из чемодана и подал Диме остроотточенный трофейный австрийский штык.

Допили из стаканов остатки. Настала полночь, и все четверо мы благоно уснули. Спали безмятежно до самой станции Няндомы, а там, по телеграмме Мятлина, кто-то из районных ответственных вбежал в вагон и стуком в дверь привел нас в чувство.

Поспешно оделись, вооружились, опустошили мою поллитровку и — на грузовик.

Мятлин — в кабину, к шоферу. Мы трое — в кузов на скамеечку, спиной к ветру. Районный товарищ, пожелав нам ни пуха ни пера, благоразумно остался у себя на станции, сказав при этом Мятлину, что смешно чуть ли не целым взводом ехать на одного сонного и безоружного мишку.

Зимняя дорога с ухабами и снежными заносами вела от станции на запад, в сторону Каргополя — километров полсотни с добавкой. Одеты мы были в короткие полушубки, обуты в валенки, и руки в теплых рукавицах. Однако мороз-утренник пробирался под полушубки и заставлял нас стучать зубами. В головах шумело с похмелья. Мы сидели, понурились, только на ухабах встряхивались и поругивались.

Шурин Бориса Ивановича высказал к нему зависть, что-де ему, как барину, тепло, не дует. И вся забава эта от него, и шкуру ему. Пусть он поделится потом медвежатинной. Но какова она на вкус, это еще вопрос.

— А зачем нам завидовать Мятлину? Пусть он завидует нам,— сказал Дима-фотограф и из полевой сумки, где в жестяных кассетах находились негативы, достал бутылку «старки». Тут мы чуть не закричали от радости, но чтобы не привлечь внимания Мятлина, выпили «старку» втихаря, закусили треской из моего рюкзака и сразу как-то потеплели, оживились...

Ехали-ехали лесом. Наконец шофер свернул с тракта в сторону. Лес кончился, начались занесенные снегом не то поля, не то пустыри.

— Вон там и «Пламя»! — крикнул из кабины Мятлин.

Мы увидели деревеньку. Над белоснежными крышами курился дымок, на фоне яркой утренней зари кужляво вздымался к небесам. Ветра не было. Две мельницы-ветрянки, растопырив бревенчатые подпоры, стояли, не шевеля крыльями. Машина забуксовала в снегу и застряла. Толкать вчетвером бессмысленно.

— Пока вы там бьете медведя,— равнодушно сказал шофер,— мне колхозники помогут выкарабкаться и встать на дорогу, ступайте... Я буду ждать.

Мятлин привел нас в избу к Ивану Ухову.

— Угу, сколько вас, с орудией! — обрадовался Ухов.— Как раз самое подходящее время. Поди-ка, сосет когти с присвистом, не ведает мишенька, что не бытть ему жильцом на свете, не пугать наших коро-вушек на лето. Разболокайтесь, гости любезные, скидывайте полушубки. Марья, ставь самовар! Медвежатники из Архангельска наехали. Простыли, небось! А вы, ребятишки,— обратился хозяин к своим детям школьного возраста,— не крутитесь под ногами. Марш на полати!..

Два паренька и девочка шмыгнули на полати, легли на животы и, положив головы на воронец, глазели на нас с полатей, как птенцы из гнезда.

— Когда прикажете вести к берлоге? — спросил Ухов, обуваясь в валенки с теплой портянкой.

— Сразу! — решительно ответил Мятлин.— Ну, то есть, после чая.

— Хорошо. Марья, сбегай к бригадиру, пусть двух лошадей выделит с дровнями. Он знает, для чего. Часа на два дела. Ехать отсель версты четыре...

— Иван, а если медведя не окажется, тогда что? — спросил Борис Иванович.

— Не сумлевайтесь, товарищ Мятлин. Он там. Вчера в эту пору я подбирался тихонько. Прилег на снег, вижу — из-под коряги парок идет. Тут как тут.

— А если нет?

— Тогда у меня на примете еще берлога есть. Та подороже и поопасней. Двое, медведица с пестуном. Могу тех за сто рублей. Сначала управьтесь с этим, а там посмотрим...

Дима толкнул меня в бок и тихонько:

— Слышь, еще двух медведей продает. Вот это колхозник! Где еще, кроме Каргополии, такая возможность?

— Где угодно! Я слыхал — на Вологодчине в Вожегодском и Сямженском районах медведи еще дешевле.

— Туда дальше ехать.

— Зато там медведи глаже, упитаннее.

— Нам бы хоть какого-нибудь для громкой славы...

Вот уже и самовар на столе. И чайник с чашками, как утка с вывотком утят. Хлеб нарезан. Большое блюдо с каргопольскими рыжиками. А что еще может быть из закусок лучше, приятней и вкусней каргопольских рыжиков? Ничего на свете!..

— Как хотите, вы меня извините,— обратился к нам Иван Ухов,— а окромя каргопольской сучковатой водки у меня другого заведения нет. Если что привезли с собой, то пожалуйста. Только чтобы на ногах держаться. Он хоть и спросонья, а если в лапы ему попасть — не сдобровать.

После такого предупреждения выпили мы по малости древесной дешевой и противной водки. Поели вдосталь рыжиков с ржаным хлебом и стали собираться.

Мятлин загнал в оба ствола патроны с пулями. Шурин его всадил обойму патронов в магазинную коробку и поставил затвор на предохранитель. Я покрутил барабан нагана. Все в порядке. Одно нехорошо: в голове мутит. Спирт, водка, старка да еще этот сучковатый напиток. Мутит. Шурин Бориса Ивановича икнул и, заикаясь, признался:

— Ммммы, кажжется, перррехват в выпивоне сделали, а?.. Поспать бы, а?..

— Смотрите, как хотите,— сказал хозяин,— можете и поспать, ежели не уверены...

— Ехать! — отрезал Мятлин, входя в командирский раж.— Ехать! Ухов вышел и сразу вернулся:

— Подводы готовы, пожалуйста. Мне-то брать ли ружьишко? У меня плохонькое...

— Ни к чему. Ты сможешь его из берлоги выманить, и сам в сторону. Враз прикончим...

— Может, для повадности собачонку прихватить? — предложил Ухов.

— Не дам, не пушу,— запротестовала хозяйка.— Еще убьете нечаянно. От вас, охотничков, так винищем разит, что медведь и без собаки поднимется, выскочит и удерет. Смотри, Иван, поосторожнее там.

Иван натянул на себя потрепанный ватник, опоясался чересседельником, засунул за спину топоришко. Перекрестился в передний угол, где впотьмах, промеж старыми фотографиями и похвальными грамотами, притаился какой-то божишко.

— Поехали, благословясь...

— Погоди минутку,— остановил его Мятлин, садясь за стол.— Сядьте и вы,— кивнул он в нашу сторону.— Уговор дороже денег: надо, не сходя с места, установить лимиты, кто и сколько раз имеет право стрелять по медведю, если он не сразу рухнет.

— До полной победы! — предложил я.

— Ннет,— сказал шурин Мятлина.— Бборрис Иванч, решай — как надо... Ты хозяин всему делу.

Мятлин, увидев на подоконнике старые игральные карты, безглаголиво взял их, потасовал и, выбросив перед каждым по одной, сказал:

— Решено: шурина шестерка бубновая — пускай шесть пуль. Моя восьмерка червей — восемь выстрелов. Коницеву — король пиковый — четыре выстрела из револьвера. Поехали!..

Выехали за деревню. Скоро начался лес. По неезженной просеке шибко не угонишься. Под снегом кочки. Лошади шли вуброд, спотыкаясь, по брюхо барахтаясь в мягком глубоком снегу. Мы шумели, отпуская шуточки. Настроение возбужденное, отчасти оттого, что лишнее себе позволили выпить, отчасти и оттого, что хотели шуточками заглушить страх перед встречей с медведем.

Передней подводой правил Ухов. На задней — в розвальнях — сидели шурины Мятлина и Дима с фотоаппаратом.

Ухов был угрюм и сосредоточен. Выкурил четыре сигарки махры и продолжал молча повозничать. Ему не нравилась наша болтовня,

и мы, пошумев, постарались умолкнуть. Но опять молчание нарушил Мятлин:

— А как по-твоему, Иван, медведь тяжелый?

— Не вешал.

— А приблизительно?

— Думаю, центнера на два.

— Ого! А злой, как по-твоему?

— Смотря по отношению.

— То есть?

— Ежели его не бить, то и он не заденет. Бабы ходили по рыжики, часто видали. И не бывало случая, чтоб медведь на бабу насел. А вот которые с ружьями, тех он не выносит.

— Бывали случаи?

— А как же! Лонись* осенью, один тут у нас охотничек позарился на медведка и выпалил из двух стволов дробью первым номером. А что ему дробь — только злость одна. Разъярился медведь, да на охотника. Ружье отнял, исковеркал и самого задушил, да так отделал... Хоронили в закрытом виде.

— Н-да, не шуточки... — вздохнул Мятлин.

— Никто, как бог, — заметил Ухов, — да и то правда: на бога надейся, а сам не плошай. Это уж закон, если на медведя идешь.

— А ты, Иван, бивал медведя? — спросил я.

— Этим не хвалится. Конечно, бивал. И один на один, и в компаниях... Тпру! Стой... Приехали. Вылезайте. Привяжем лошадок к деревьям, дадим сенца, а сами в гущу пешедралом. Лошадью дальше не проехать.

— Далече?

— Чепуха, с полверсты каких-нибудь. Сейчас мы его растревожим и угомоним. — Иван вырубил вересовый кол, заострил и, вилля между деревьев, пошагал впереди нас. Строй был таков: за Уховым Иваном шел Мятлин с двустволкой наизготовку, за ним шурин с карабином, затем я с наганом за пазухой, и позади всех нес на плече треногу с фотоаппаратом Дима. Австрийский штык болтался у него на ремне не менее внушительно и грозно, чем все наше огнестрельное вооружение. Не знаю, как у остальных, а у меня, признаюсь, сердце что-то стало тревожно биться, по спине прошелся первый холодок, и, кажется, я протрезвел.

— Во! Видите пень, а над ним бугор. Он тут и есть! — возвестил, придя на место, Ухов. — Распределяйтесь по местам, чтоб друг друга вам не перестрелять. Это дело дюже серьезное и ответственное...

— Позволь, я сам расставлю. — Мятлин присмотрелся к местности и говорит: — Шурин, ты встань слева под березой и будешь бить с колена, или стоя, как удобней. Ты, Костя, справа от той вон сосны, тебе с наганом надо поближе к цели. Я займу середину и буду палить с дерева. Очень удобное деревцо, с него сектор обстрела — что надо! По своим местам, марш!..

— А я? — спросил Дима.

— Ты?.. Ты — смотря по обстоятельствам, — туманно ответил Мятлин.

Встали всяк на свои позиции. Дима с аппаратом притулился к рыжей сосенке. Затаили дыхание. Дальше всех не мог отдышаться Мятлин. Влезть на дерево и разместиться меж ветвей ему было не так-то легко.

* В прошлом году.

— Ну, готовы? — спросил Ухов.

— Готовы. Можешь вызывать... — приказал Мятлин.

— Как вызывать? — засмеялся в ответ Ухов. — По телефону, что ли? «Алло, алло, выходи, Михал Ваныч, тебя архангельское начальство требует...» Нет, голубчики, так не пойдет. Медведь — он есть медведь!.. А надо вот как: я буду подрубать вон ту сосну, она свалится вершиной прямо на берлогу. А вы все на досуге, пока я дерево сваливаю, лайте во все глотки по-собачьи. Авось по дурости медведь выскочит на провокацию...

Как хорошо, что не было никого посторонних, а были только действующие лица. Как хорошо, что никто из публики вообще не слышал нашего концерта. Дима-фотограф сначала тьякал дворняжкой, потом вдруг неистово заревел, словно его режут в три ножа. Шурин Бориса Ивановича разъяренно рычал, как волкодав. Неплохо лаял и Мятлин. Хуже всех подвывал я. Меня душил смех, переходящий в нервный потрясающий хохот. Хохочу, а сам соображаю: «Где же быть мне в таком дурацком собачьем состоянии хорошим стрелком?..»

Минут через десять дерево с треском и шумом рухнуло, угадав, по расчету сметливого лесоруба, вершиной на снежный бугор. Ухов махнул рукой. Мы притихли. И в наступившей лесной тишине услышали из-под земли рычание зверя и треск сучьев.

— Приготовиться! — крикнул с дерева Мятлин, направляя дрожащими руками стволы в сторону берлоги.

Ухов опасливо посторонился, отойдя на почтительное расстояние от места боя. И вот из-под снежного бугра, рядом с матерым пнем, показалась огромная лохматая медвежья башка. Рычание потревоженного и рассерженного зверя сразу привело нас в полную боевую готовность.

— Подождите! Пусть весь вылезет! — не своим, изменившимся голосом закричал Мятлин. Но медведь мотал головой около пня, рычал, ревел и ни шагу с места.

— Стреляйте! Чего же вы?! — откуда-то из лесной гущи услышали мы сердитый голос Ивана Ухова.

И тогда началась пальба. Эхо разносило по лесу звуки беспорядочных выстрелов. Я, вопреки пиковому королю, выпалил семь раз и стал перезаряжать наган. Вижу: шурин Бориса Ивановича, отстреляв свое, стоит на коленях и роется в снегу. Это он после пятого выстрела стал перезаряжать карабин, да так неловко, что уронил в снег крышку магазинной коробки с подающим механизмом и рассыпал из обоймы патроны.

Мятлин героически восседал на дереве и методично бухал, роняя отстрелянные гильзы в снег. А медведь дико ревел, мотал головой, словно бы кланяясь нам.

— Довольно! — слышался голос Ухова. — Застрял, никак не вылезет. Не стреляйте, сейчас я узнаю.

Мы прекратили стрельбу. Притихли. Только продолжал во все тяжкие кричать Дима-фотограф. Он сидел в снегу около брошенного фотоаппарата и, широко разинув рот, исходил неугомонным криком, видимо, хотел побороть свой страх и напугать медведя.

Держа в одной руке заостренный кол, в другой топор, Ухов смело кинулся к медведю и увидел, в чем загвоздка: правую лапу медведь запустил под корягу, а левой скоблил промерзшую землю, рвался вперед, еще более усугубляя свое безвыходное положение. Тогда, не задумываясь, Иван размахнулся топором и во всю свою мужицкую силу бабахнул медведя обухом по черепу. Этого было довольно.

— Не порти шкуру! — закричал Мятлин, слезая с дерева.

С большим трудом мы стали вытаскивать медведя из берлоги. Пришлось расчистить снег. Ухов несколько минут в поте лица старался перерубить толстые корни пня, пущенные во все стороны под промерзшей землей.

Наконец медведя вытащили на утопанный снег. Стали считать, кто сколько раз пальнул и сколько мы сделали метких попаданий. Итог получился плачевный: из восемнадцати коллективно выпущенных зарядов только одна пуля пробила мишке левую лапу. И не знаю, что произошло бы, если б зверь не застрял по неопытности в проходе своего жилища.

Мы топтались вокруг не нами убитого медведя. Сердца наши стучали от пережитого страха: слава богу — все благополучно. Хорошо, когда хорошо кончается. Но тут как-то все сразу приметили, что Дима-фотограф продолжает сидеть в глубоком снегу и охрипшим голосом чуть слышно шипит что-то.

— Перестань, все кончено! — прикрикнул на Диму Мятлин. — Будем фотографироваться...

Но Дима никак на это не реагировал. Разинутый рот у него не закрывался. Видно, на нервы фотографа охота подействовала чересчур сильно, и мы поняли, что Диме с нашей стороны требуется содействие на тот предмет, чтобы помочь ему закрыть рот и лишить его звука. Эту благую мысль я высказал Мятлину.

— Пойдем, — говорю ему, — поможем человеку прийти в чувство. Видишь, со страху рехнулся...

Сначала увещевали Диму добрыми словами — не внемлет. Сидит, как ненормальный, рот нараспашку и хрипит. Долго ли бы еще он находился в таком состоянии, про то не могу знать. Но только Мятлин кое-что тоже понимает в таких случаях. Он вставил Диме в рот стреляную гильзу, чтобы тот язык себе не перекусил, и коротко, но точно, ткнул его в подбородок. Все стало на свое место. Дима поперхнулся, вытер слезы, высморкался, озираясь вылупленными глазами, не своим голосом спросил:

— Что теперь прикажете делать?..

— Идиот! Он еще спрашивает! — возмутился Мятлин. — Ты, наверно, забыл, для чего мы тебя взяли в компанию. Давай, увековечивай...

Дима-фотограф стал исполнять свой долг. Он усадил Бориса Ивановича на боковину медведя, мятлинского шурина и меня поставил по сторонам. Иван Ухов не стал фотографироваться, отмахнулся:

— Ну вас к лешему. Знал бы таких охотничков, ни за что бы мишку вам не продал...

Взяли мы за лапы медведя и потащили задом наперед к просеке, где нас ожидали две подводы. Было нам как-то не по себе: и оттого, что снайперы мы оказались неважнецкие, и оттого, что зверя лишили жизни.

На передышке, за перекуром, Иван Ухов, уловив чутьем наши настроения, обратил внимание на задние лапы медведя, не в согласии с наукой сказал:

— Смотрите, какие у мишки пятки, как у человека. Еще неизвестно, от кого мы произошли. Может, кто-то, где-то от обезьян, а может, кто-то, где-то и от медведя. Но для этого понадобилось миллион годов, заметьте: в наших холодных местах разве могла обезьяна завестись? Никогда!..

Мы даже не усмехнулись и не возражали. Против Илановой истины разве устоишь? Наше молчание он принял как знак согласия и продолжал утверждать свою неопровержимую гипотезу:

— По этому поводу у меня с учителем в избе-читальне была форменная дискуссия, и я его положил на обе лопатки. Делал он лекцию:

откуда пошла человеческая жизнь. Он говорит: была эволюция, а потом постепенно революция, во всем скачки. И человек будто образовался из обезьяны. Я тут встал и говорю: «От обезьяны никак не может быть! А вот возьмем себе в прародители медведя...» — «Как, почему? — спрашивает учитель.— Это неслыханно!» Я и начинаю ему приводить свои аргументы за мою мысль. Во-первых, говорю, многие люди свои ногти зубами обкусывают, это, говорю, медвежья наследственность перешла. Во-вторых, говорю, бывает, медведь идет на человека не по-звериному, не на четырех лапах, а на двух, и борется по-мужицки. И до чего он понятлив, сами судите: я в Архангельске в цирке видел, как медведь на лесापедке катается. Одним словом, забил я учителя с его обезьяной. Да если по правде говорить, смолоду учить медведя ружьем владеть, то он трех лет отроду научится стрелять лучше вашего... Ясно?

В колхозе «Красное пламя» нас, как героев, обступили со всех сторон. Ухов быстро и ловко снял с медведя шкуру, свернул и положил в кузов грузовика. Половину медвежьей туши Мятлин уступил Ивану и честно с ним расплатился. А другую половину мы доставили в Архангельск.

С мясом в тот год было туговато. Повар в нашей столовой готовил из медвежатины котлеты. Я их пробовал: приторны и не вкусны. Если бы побольше в них луку, чесноку, соли и перцу, тогда бы еще туда-сюда. Другие ели с аппетитом.

В краевой газете корреспонденции о нашей охоте не появилось. И Мятлин не упрашивал меня выносить факт на суд общественности.

Вскоре его по линии высших инстанций перевели из Архангельска куда-то на юг. Разумеется, медвежью шкуру он прихватил с собой.

Сейчас, если он жив-здоров, то на персональной пенсии и, наверно, рассказывает о том, как охотился на медведя.

Возможно, совсем не так, как я вам рассказал.

